

Стихотворение А.С. Пушкина «Деревня»

В элегии «Деревня» (1819) тема свободы получает философское осмысление. Пушкин формулирует своего рода программу жизни и творчества, которой останется верен до конца своих дней. В нескольких строках обозначены главные жизненные ценности и соответствующие им принципы поведения. Все они объединены мыслью о свободе. Все то, чему хочет научиться юный Пушкин, можно было бы выразить одним словом – Свобода. Свобода в отношении к Истине и Закону. Свобода от мнений окружающих. Бережное отношение к чужой свободе. Свобода от зависти.

Первая установка – **«Учуся в Истине блаженство находить»**. Истина не всегда бывает приятной. В иных случаях так понятно желание «обмануться»: «Ах, обмануть меня не трудно... Я сам обманываться рад» («Признание», 1826) Более того, «Нас возвышающий обман» оказывается поэту в стихотворении «Герой» (1830) дороже «Тьмы низких истин», если этот обман возвышает, а истина унижает человека. Человеку легче научиться отыскивать истину, чем находить в истине блаженство. Но истина – высшая объективная ценность, содержащая в себе радость откровения.

Второе положение – **«Свободною душой Закон боготворить»**. Понятия свободы, вольности, святые для Пушкина, неразрывны с понятием Закона. Законопослушание может демонстрировать и рабская душа, а вот боготворить Закон можно только душой свободной

Третья установка – **«Роптанью не внимать толпы непросвещенной»** – определяет характер отношения к общественному мнению. На осуждение («роптание») той части общества, которую можно назвать «толпой непросвещенной», не нужно обращать внимания, попусту растрачивая душевные силы.

Четвертая – **«Участьем отвечать застенчивой мольбе»**. Даже с добрыми намерениями нельзя вторгаться в пространство другого человека без его просьбы. Тактичность и чуткость, предостерегающие человека от непрошеной помощи, не ждут долгих уговоров и довольствуются «застенчивой» мольбой, чтобы проявить свое участие.

Пятая – **«И не завидовать судьбе Злодея иль глупца – в величии неправом»**, – определяет отношение к чужим успехам. Я ведь не хочу для себя роли злодея или глупца, значит, не должен завидовать их «величию», поскольку оно «неправое». Достижение же истинного величия зависит от усилий самой личности и, окупаемое такой ценой, не должно вызывать

зависти.

Эти шесть емких строчек в стихотворении располагаются в центре как водораздел между двумя контрастными частями - «карамзинской», идиллической, рисующей благо и красоту деревенской природной жизни, и «радищевской», развенчивающей безобразие и зло крепостнического строя. Композиция всегда была для Пушкина важнейшим средством дополнительного наращивания смыслов. Простым соотношением частей, которые не имеют выраженной внешней связи, Пушкин устанавливает глубинные внутренние связи, менее категоричные по смыслу, поскольку формально не обозначены, но и достаточно определенные для того, чтобы отмежеваться от того, что противоречит авторскому замыслу. И карамзинская и радищевская картины совершенно несопоставимы, но все это – «деревня». И если в идиллической деревне личность освобождается от «суетных оков», находит себе «приют спокойствия, трудов и вдохновенья» для самосовершенствования, то деревня радищевская напоминает о тех, кто лишен возможностей для духовного роста. В существовании как «барства дикого», так и «рабства тощего» обнаруживается непримиримое противоречие с теми идеальными нормами человеческого общежития, которые сформулированы в середине стихотворения. В реальной жизни «Истина» подменяется «Невежеством убийственным позором», «Закон» - дикостью беззакония, деликатное участие - «бесчувственной прихотью злодея». Рабы не живут, а «влекут» «тягостный ярем», «надежд и склонностей в душе питать не смея». Им недоступно то, чему учится поэт. «Барство дикое» предпочитает остаться в «диком» состоянии, поскольку идеал свободного просвещенного человека несовместим с присвоением труда, собственности и времени земледельца. Так самой структурой стихотворения обозначается противоположность идеала и реальности. Таким образом, идеальные установки личности соотносятся с объективным миром, суровый приговор которому произносится с позиций высокой духовности.

Финальный вопрос - «Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный / И рабство, падшее по манию царя, И над отечеством свободы просвещенной Взойдет ли наконец прекрасная заря?» - естественно вытекает из развития авторской мысли. Протест против деспотизма, абсолютной власти, неограниченной законом, представлен как естественная реакция культурного человека на дикость крепостнического строя, несовместимого с идеалом «свободы просвещенной». Идея такой свободы должна исходить от царя. Но как же далек реальный Александр I от того идеального просвещенного монарха, который видится поэту освободителем русского

народа! Вопросительным знаком заканчивается стихотворение о главных ценностях жизни и возможностях их реализации.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ